

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С «ПОЛИТИЧЕСКИМ БАНДИТИЗМОМ» В КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 гг.)

Peculiarities of the Fight against “Political Banditry” in Kalmykia during the Civil War (1917–1920)

У. Б. Очиров (U. Ochirov)¹

¹доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Associate Professor, Leading Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: utash@elista.ru.

Статья посвящена анализу особенностей борьбы советской власти с «политическим бандитизмом» на территории Калмыкии в период революции 1917 года и Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что группы мятежников, ведущих борьбу с властями по политическим мотивам, появились лишь в период Гражданской войны, сражаясь в основном в интересах белых. С поражением белогвардейцев их деятельность пошла на убыль, и появление новой волны «бандповстанцев» связано уже с движением «зеленых».

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы, Гражданская война, борьба с бандитизмом.

The article analyzes the peculiarities of the Soviet authorities' fight against the “political banditry” in Kalmykia during the Revolution of 1917 and the Civil War. The author concludes that the rebel groups, fighting against the government due to political reasons, were not present in the territory of Kalmykia until 1917. There were only a few criminal groups, which were mainly engaged in cattle raiding.

After the Revolution of 1917 and the outbreak of the Civil War the territory of Kalmykia became the scene of armed confrontation between the Red Army and the White Armed Forces. The geographical environment (wide steppes, low population density) determined active implementation of the tactics resembling the actions of cattle raiders: rush and sudden attacks of small flying cavalry columns. Besides, the core target of the *bandpovstantsy* (rebel groups) were not the troop units, but the administrative establishments and local authorities, and consequently their actions were limited to robbery and capture of food and property. After the White Army was defeated, the majority of the “troops” ceased hostility in exchange for amnesty, and the Rebel movement in Kalmykia was suppressed.

Keywords: History of Kalmykia, law enforcement authorities, the Civil War, fight against banditry.

До революции 1917 г. в Калмыкии отсутствовали какие-либо группы повстанцев, ведущих борьбу с властями по политическим мотивам, в отличие, например, от территории Латвии, где в период первой русской революции развернулось движение «лесных братьев» под руководством эсдеков, или территории Казахстана, где в период Первой мировой войны вспыхнуло восстание под руководством А. Иманова и А. Джангильдина. На территории Калмыкии было лишь несколько малочисленных банд, занимавшихся в основном скотокрадством. Географические условия (широкая степь, малая плотность населения) давали возможность малочисленным бандам укрыться, но

в то же время препятствовали увеличению их численности. Кроме того, власти еще с конца XIX в. ввели запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [ГА РФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления боеспособности и огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами. Впрочем, численность банд была невелика, и органы местной власти успешно противостояли им силами улусной полицейской стражи.

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. В ходе февральских событий большая часть органов

власти сохранилась и продолжила свое существование, правоохранные органы во многих регионах (в том числе и в Астраханской губернии) были разгромлены. Взамен распущенной полицейской стражи предполагалось создать улусную народную милицию, перед которой сразу же поставили задачу усиления борьбы со скотокрадством. Откуда улусы должны были брать средства на обучение и вооружение милиции, не указывалось, однако все резервы из запасного общественного капитала предлагалось использовать исключительно на нужды образования. Председатель ЦИК по управлению калмыцким народом Б. Э. Криштафович обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на оплату, но поддержки не получил [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]. Если учесть при этом, что архаичные, но хоть как-то работавшие, улусные зарго фактически прекратили работу после ухода улусных попечителей и их помощников, то распад системы защиты законности в Калмыцкой степи можно признать состоявшимся фактом.

Криминогенность в Калмыцкой степи начала возрастать. В селах Калмыкии появились большие группы вооруженных дезертиров, которые частично начали собираться в никому не подчиняющиеся отряды самообороны. При этом некоторые группы дезертиров мало заботились о соблюдении законности, и провести грань между такими отрядами и уголовными бандами было весьма затруднительно. Во многом благодаря этому летом 1917 г. в ЦИК по управлению калмыцким народом победу одержали сторонники оказывания калмыкам [Очиров 2006: 163–180]. Улусные атаманы начали активно формировать казачьи сотни из калмыков и изыскивать оружие для них, в основном, за счет покупки у дезертиров. Например, за 200 рублей «николаевскими» или три овцы давали карабин. Манычский улусный атаман Г. Д. Балзанов вспоминал, что ему удалось даже выменять на пару годовалых бычков пулемет системы Кольта, что по тем временам считалось неслыханной удачей [ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 3].

По мере нарастания гражданского противостояния отряды самообороны начинают втягиваться в боевые столкновения друг с другом, причем географические условия

определили активное применение партизанской тактики. В степи начинают действовать отряды, руководствующиеся в своей деятельности политическими мотивами. Кульминацией противостояния стал Астраханский казачий мятеж 12–24 января 1918 г. После победы красногвардейцев отряды мятежников бежали в степь, в том числе отряд полковника К. В. Сахарова и ротмистра Д. Ц. Тундутова — в Калмыкию. Отряды самообороны стали преследовать его и в 20-х числах февраля (по новому стилю) разбили его у озера Бор-Нур. В начале марта отряд Сахарова–Тундутова был окончательно разгромлен у балки Булукта. 35 человек погибли, 75 — попали в плен, остальные рассеялись. В числе пленных оказались полковник Сахаров, нойоны Тундутов и Т. Б. Тюмень [Очиров 2006: 189].

В Калмыкии установилась советская власть, но борьба с бандитизмом в улусах велась весьма слабо; народная милиция в 1918 г. так и не была сформирована. Мало того, некоторые отряды, присланные для восстановления законности и порядка, сами начали скатываться к бандитизму. Так, в июле 1918 г. в северные улусы Калмыкии «для раскрытия контрреволюции, организации всеобщего обучения и агитации» был направлен отряд Льва Татищева — члена Астраханской краевой коллегии. Практически сразу отряд занялся массовыми грабежами, вымогательствами, изнасилованиями и убийствами. Среди погибших оказался багши Дунду-хурула — одного из наиболее известных в Калмыкии, что возмутило верующих калмыков. Базируясь в имении Б. Талтаева, Л. Татищев при помощи местных уголовников организовал кампанию по арестам богачей, у которых пытками вымогали золото и ценности. После Малодербетовского улуса отряд выдвинулся к Багацохуровскому улусу, «в панике разбежавшемуся перед ним». На его перехват пришлось выслать отряд Павла Бочкарева, который арестовал грабителей. Татищева осудили и расстреляли [Маслов 1962: 62; НА РК. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 17. Л. 66]. Однако вскоре поступили донесения о том, что сам Бочкарев проводит обыски, ведет «поиски золота в Калмыцкой степи» [Иванько и др. 1968: 83].

По мере усиления политики социализации земли конфликты в улусах стали разрастаться, что привело к усилению политического противостояния. Когда в августе

1918 г. на территорию Калмыкии прибыл партизанский отряд под командованием Манычского окружного атамана Г. Д. Балзанова, то он получил широкую поддержку населения и смог даже на короткое время захватить Элисту. Однако возможности для функционирования столь крупного отряда в Калмыцкой степи были ограничены. Вскоре ему пришлось уйти за Маныч и войти в состав 3-й Кубанской дивизии Н. Г. Бабиева под именем Манычского калмыцкого полка [ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Л. 35об.-36].

Тем временем в улусах, пользуясь отсутствием народной милиции, активизировались уголовные банды, в том числе прибывающие из-за пределов Калмыкии. Так, Эркетеневский улус только за октябрь 1918 г. потерял из-за их набегов имущества и скота на 200 тыс. руб. В бандах, производивших грабежи, было от 25 до 75 человек (кара-ногайцы, черкесы, русские). Ситуацию в значительной степени осложнили и действия красногвардейских отрядов, присылаемых в улусы с целью реквизиций или мобилизаций. При этом пришлые красногвардейцы действовали методами, которые мало отличались от грабежей. Например, в августе 1918 г. Яндыко-Мочажный улусный исполком сообщил, что городофорпостинские красноармейцы производят обыски в Батутовском аймаке, «отбирают деньги вплоть до 20 рублей и меньше», отмечены «прямые грабежи» (т.е. уже не замаскированные под реквизицию). Один из руководителей Яндыко-Мочажного исполкома врач С.-Г. Хадылов в те дни писал: «планомерная работа <...> Советской власти нарушена постоянными набегам вооруженных банд, совершающих ограбление с массовыми убийствами мирных жителей, а также агитацией среди темной массы, что грабежи и убийства производятся красноармейцами <...> Жизнь бедного калмыка положительно замерла, они боятся выезжать на коренной свой заработок — рыбный лов <...> Ночуют постоянно в камышах, простуживаются и болеют целыми поселками» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 96].

Председатель Икицохуровского улусного исполкома сообщил, «что улус является объектом произвола, насилия и грабежей со стороны отрядов красноармейцев или под видом их разных банд»: Краснощекова (из Доно-Ставропольской дивизии Григория Колпакова), Артема Река (из войск Степного фронта), Гальковича (из Ставрополя),

Садыкова (из Астрахани). Однако больше всего терроризировал улус Арнольд Большой, который, мобилизовав калмыков 11 возрастов без санкции Астраханского губвоенкомата, стал накладывать на общины контрибуции в 10 тыс. руб., реквизировать лошадей, захватывать заложников, избивать людей. Телеграмму от РВС Северо-Кавказского военного округа (в который тогда входили, помимо прочих, И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов) с требованием прекращения «мобилизации» он проигнорировал [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90]. Улусный военком Черевиченко пытался бороться с мелкими бандами, но вскоре красноармейцев у него забрали. Позже секретарь Калмыцкого исполкома Ф. И. Плюнов с ужасом вспоминал: «Предоставленная сама себе Калмыцкая степь являлась объектом произвола, личного усмотрения, внимания разного рода проходимцев и преступников» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 87]. На 2-м съезде Советов калмыцкого народа вопрос о формировании народной милиции был формально решен [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21].

Однако завершить формирование калмыцкой милиции не удалось. В мае-июне 1919 г. на территорию Калмыкии вторглись денкиинцы, занявшие почти все улусы. Основную роль при этом играли небольшие партизанские отряды, которые стали возникать по всей степи. Некоторые из них выделялись из состава частей Белой армии (например, Манычского полка Гаря Балзанова), другие формировались самостоятельно, при финансовой и материальной помощи белых. Так, в поселке Дика Яндыко-Мочажного улуса богач Б. Т. Бюбеев во время торжественной встречи генерала Д. П. Драценко получил 40 винтовок для нового отряда [Борисенко, Горяев 1998: 29]. Улусные сотни самообороны, сформированные в ряде улусов, не смогли оказать им достойного сопротивления. Мало того, часть «самооборонцев» перешла на сторону партизан, в том числе и Эркетеневская сотня во главе с улусным военкомом Гаря Эрднеевым [НА РК. Ф.Р-24. Оп.1. Д.138. Л.308об.].

В документах органов Советской власти деятельность таких отрядов (именуемых «бандповстанческими») квалифицировалась как «политический бандитизм». В последнее время этот термин стал оспариваться как несущий негативную окраску. Вместо «политического бандитизма» стали

предлагать другие термины, например, «повстанчество». Однако в данном случае мы наблюдаем не только «повстанческие» отряды, но и партизанские части, специально введенные из-за линии фронта в тыл противника. Нельзя забывать и о том, что сама тактика партизан, направленная в основном против тыловых структур, в немалой степени основывалась на грабежах и захвате продуктов и имущества. Таким образом, на взгляд автора, вопрос с терминологией следует пока оставить открытым.

За короткий период почти вся территория Калмыкии оказалась занята бело-гвардейскими войсками и вновь сформированными отрядами. На территорию Манычского улуса вернулся Горя Балзанов, который начал формировать новые части. Малодербетовский и Багацохуровский улусы контролировались отрядами Малодербетовского атамана Ордаша Босхомджиева. По оценке разведчиков 11-й армии РККА, общая численность этих отрядов в октябре 1919 г. достигла 1500 сабель при 7 пулеметах и 1 пушке. Наиболее крупным и активным отрядом был отряд Дорджи Онкорова (заместитель — Бача Хабанов). В центре Калмыцкой степи, в Икицохуровском и Харахусовском улусах действовала группа отрядов под общим командованием помощника астраханского атамана по калмыцкой части Сереб-Джаба Тюменя [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 42, 110–111; РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 24об.]. Эти отряды не имели устойчивой структуры, большинство калмыков не имели боевой подготовки, были плохо вооружены и одеты, почти не имели обуви [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 131]. Количество отрядов и их численность постоянно менялись в зависимости от поставленных задач и наличия людских и материальных ресурсов: некоторые из них имели пулеметы и 3-дюймовые орудия [РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4об.].

Эти отряды уверенно контролировали почти всю Калмыцкую степь и совершали набеги даже на левобережные села и станции. 21–23 июля 1919 г. белокалмыцкие отряды атаковали несколько хотонов Багацохуровского и Хошеутовского улуса и остров Шамбай, разгромили улусный военкомат, канцелярию милиции, мобилизационный пункт и др. советские учреждения, захватили в плен ряд соработников, в том числе членов Калмыцкого ЦИК Эрдни-Ара Сарангова и Надбита Дулаханова, хошеу-

товского военкома Ярмоленко-Борисова и хошеутовского военрука Айшпурга. Правда, Дулаханова белые отпустили, а военкому удалось бежать [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 120–122]. В ночь на 22 сентября 1919 г. отряд Онкорова пытался захватить Багацохуровский исполком на левом берегу Волги, но из-за ошибки проводника операция провалилась [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Д. 138. Л. 6].

Во второй половине 1919 г. политика Советской власти по отношению к калмыкам заметно изменилась. Советские и партийные работники признали, что они «на Калмыцкую степь обращали мало внимания и, возможно, только поэтому бело-гвардейцы так легко ее заняли» [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 44. Л. 7]. В течение нескольких месяцев Совнарком РСФСР предпринял ряд шагов, направленных на то, чтобы переломить ситуацию. Вышли «Воззвание к трудовому калмыцкому народу» В. И. Ленина от 22 июля 1919 г., декреты от 24 июля и 15 октября 1919 г. по защите экономики калмыцкого народа [К истории 1960: 60–63]. Были предприняты серьезные шаги по усилению агитационной работы в улусах, занятых белогвардейцами. Начала работать калмыцкая народная милиция под руководством Мухары Мунянова. На базе уцелевших улусных сотен (Яндыко-Мочажной, Багацохуровской, Хошеутовской) формировались мобильные отряды по борьбе с «бандами». Наиболее боеспособной оказалась Яндыко-Мочажная сотня под командованием Х. М. Джалыкова, которую использовали даже в боях против регулярных войск. Багацохуровская сотня в 1919 г. была довольно слабой из-за большого количества дезертиров, но оставшиеся сражались довольно успешно. Особенно эффективной была их разведывательная деятельность, которой руководил неуловимый Ходжа Отхонов — улусный военком и бывший член КалмЦИКа. Все эти меры в итоге привели к тому, что настроения в Калмыцкой степи стали меняться в пользу советской власти. Во время отступления Кавказской армии в Малодербетовском улусе появились партизанские отряды, атаковавшие белогвардейцев [Маслов 1962: 87].

В результате многие из казаков и калмыков сдались в обмен на обещанную амнистию. Однако некоторые белокалмыцкие отряды отказались покинуть родные улусы, продолжая борьбу. Зимой 1919–1920 г. «по-

литический бандитизм» в Калмыцкой степи достиг своего пика. Отряды братьев Окона и Манджи Шануновых (северные улусы), братьев Хойче, Шургучи, Сангаджи и Санзыра Менгетеевых (центральные улусы), Бовы Тегусова, Очира Багальданова (восточные улусы), Джалга Улюмджиева, Шара Нохаева, Кости Бондаренко (приморские улусы) и др. буквально терроризировали местные Советы. «Эти банды великолепно знали условия жизни своих сородичей<...> располагали замечательно точными и верными сведениями о движениях и намерениях тех отрядов, которые оперировали против них. Они имели органическую связь с населением благодаря присутствию среди него<...> своих родственников, сочувствующих и подкупленных ими лиц» [Борисов 1926: 87]. В конце 1919 г. «банда» Бовы Тегусова, «получив сильное подкрепление от деникинских частей», в упорном и продолжительном бою разгромила Хошеутовскую сотню, среди погибших оказались улусный военком Камышев и двое членов улусного исполкома. Представитель Калмыцкого военкомата Вадим Мергасов попал в плен и был казнен [Глухов 1927: 42]. Через несколько месяцев «шайка» Тегусова была разбита отрядом Кюкя Эльдеева, который вскоре погиб во время налета на Лагань «крупной банды» (400–500 сабель при 8–10 пулеметах) Сычева [Маслов 1962: 122–124]. Для борьбы с «бандами» стали брать заложников [Глухов 1927: 42], активно формировать новые улусные сотни и отряды. В ходе боев отличились командиры Малодербетовской сотни Михаил Брыков и Эркетеневской сотни Петр Степанов, командиры отрядов Алексей Маслов, Кюкя Эльдеев, Константин Долгин, Эренцен Шаваев и др. В конце концов, почти все «банды» были либо уничтожены, либо распались, сдавшись по амнистии [Борисов 1926: 18–19].

Однако в конце 1920 – начале 1921 гг. в Калмыкии отмечается новая волна «поли-

тического бандитизма», вызванная реакцией населения на экономическую политику «военного коммунизма», наподобие «антоновщины» и Кронштадтского мятежа. Среди повстанцев новой волны оказались даже красные командиры (в том числе комбриг Первой конной Г. С. Маслаков) [Бадмаева 2003: 159]. Бывших белогвардейцев среди «бандповстанцев» оказалось немного, и эту волну «политического бандитизма» следует, на наш взгляд, отнести к иному политическому явлению — «зеленому» движению.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
 Научный архив КИГИ РАН (НА КИГИ РАН)
 Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)
 Российский государственный военный архив (РГВА)

Литература

- Бадмаева Е. Н.* О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участия в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
- Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 234 с.
- Борисов Т.* Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. 97 с.
- Глухов И. К.* Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмиздат, 1927. 113 с.
- Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И.* Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.
- К истории образования Автономной области калмыцкого народа. Сб. документов и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 98 с.
- Маслов А. Г.* Страницы былого. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1962. 156 с.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.